

Путь интеллигента

«Беспокойная старость» на сцене МХАТ

О «Беспокойной старости» Л. Ракшинова нельзя сказать: это пьеса, «всегда открытая», искренняя и не забывшая. Два десятилетия она не покидала сцену местных театров, с исключительным ролям профессора Полежаева сыграно немало актерских удач. Закономерно в радостно, что именно Московский Художественный театр вернул это произведение на столичную сцену. Спектакль продолжает лучшие театральные традиции.

«Беспокойная старость» в Художественном театре — не дань прошлому, не холодные исторические зарисовки пережитого, а спектакль живых, волнующих идей, мыслей и чувств. Он зовет к служению Родине, утверждает силу советского патриотизма.

Когда провозгласил «мхатовский спектакль» — это понятие выдвинулось очень многое. Это значит: театр не может только говорить о больших общественных явлениях, говорить по-своему — через глубокое раскрытие конкретных человеческих характеров, через создание той особой, интимной атмосферы жизни, которая делает зрителя как бы соучастником событий.

Сразу, как только развинулся завязка, мы попадаем в особую атмосферу дома, где живет и работает большой русский ученый. Вещи могут много рассказать о людях. Массивный шкаф с книгами и габаритные полки, картина у окна с

розами, они начинают в четыре руки играть давно знакомую мелодию, все слышно ей подпевают. Сколько воспоминаний протекло перед их глазами... Но даже в этом элегическом эпизоде — одном из лучших в спектакле — Полежаев остается верен своему оптимизму. Снова шуток, лепка, ладанутая на лоб, — надо идти за дровами. И вот все ярче в ярче разгорается электрический свет. В дверях — Миша Бочаров в военной шинели.

Тема нового мира, радостного будущего, для которого надо без устали работать и работать, возникает в последнем акте с особой силой. Полежаев болен. Но и в постели он все время и во всем, в работе, в интересе все, и Бочаров настойчиво поддерживает эту выносливость полежаевской мысли. С таким жарким вниманием, по-хозяйски он расспрашивает Бочарова о проекте и штатах института!

Это новая черта и Полежаева — Бочарова: хозяйское отношение к жизни. Ведь раньше ему все время приходилось бороться, быть в оппозиции, преодолевать препятствия. Когда-то оторванный от общества интеллигент Штокман навсегда одиноко заперся в своем кабинете. Полежаев отверг старый мир не в одиночку, а на том же образе дружи, но, может быть, впервые ощутил свою неравнодушную

Полежаев — Ю. Кольцов.

Для О. Андреевской (Мария Львовна) эта роль — новый этап в творчестве. Мы знали Андреевскую как актрису легкой, невинно стилизованной формы, острого специфического сродства. Но, наконец, впервые она сыграла образ такой, вскрывшей внутренний правды и простоты. Историю большой, счастливой жизни Марии Львовны с исключительной мягкостью, задумчивостью повествовала она нам.

Мария Львовна все в заботах с мужем, в любви к нему, к его работе. Марии Львовне мы видим и нежной, шутливой — хотя бы в первой сцене с Мишей, недогадывающей и гордой — с Воробьевым, забывающей нежной, все понимающей — с мужем. А в целом это законченный, живой человеческий характер с обилием жизненных подробностей и черт. Если бы рядом с Полежаевым не стояла именно такая Мария Львовна, тут эти дух героев не был бы столь органичным, столь убедительным.

Трудно выделить в таком спектакле, как «Беспокойная старость», работу режиссера Н. Герцакова от отдельных исполнителей. Конечно, его воля определяла и общую правдивую атмосферу обстановки, тонкость и искренность актерского исполнения основных ролей, то богатство лирических полутонов, подтекста, которые присущи всему спектаклю.

И в то же время именно с режиссером хочется поспорить по поводу недостаточного раскрытия важного для пьесы и спектакля образа Бочарова. Это один из активных бойцов революции. Он агитатор, подпольщик. Когда революция победила, Ленин поручает ему ответственное дело создания нового института. При первой же опасности на фронте Бочаров снова идет в бой.

Артист П. Чернов в первом акте, когда Бочаров еще студент, когда о его деятельности революционер можно догадываться, играет убедительно, чуть-чуть достоверно, много, выделенного и науки и в самого профессора. Пройдет два года, революция победила. Бочаров возвращается уже совершенно иным человеком, обладающим политическим опытом организатора в борьбе. А в спектакле... В спектакле Бочарова и остался обязательным юношей с застенчивой улыбкой. Трудно поверить, что он встречается с Лениным, воплощает в жизнь его идеи.

Но образ театральной личности и в походе к образу другого ученика Полежаева. Вробая в действительности гораздо изобретательней и сильней, чем это показывает артист Л. Тонина. Его Воробьев с самого начала откровенно неврастеничен, жалок, ладанут. Разве мог он завоевать доверие проницательного и умного Полежаева? В третьем акте бриллиант Воробьевых руклях аистам раскрывается по всей высоте. Даже реализм настроенные студенты, свидетели этой сцены, вскрывают при виде совершенного вопиющего. Здесь впервые (а не гораздо раньше, как это получается в спектакле) Воробьев обнимает свою сущность предателя науки и народа.

«Беспокойная старость» — пьеса камерного плана. Но через яркие и подлинные прежде всего роли Полежаева Художественный театр поднял спектакль до больших социальных обобщений. За образами пьесы встают правдивые картины не столь уж отдаленного прошлого. Путь, пройденный лучшими представителями старой русской интеллигенции. И потому ее с разным участием и интересом посмотрят и молодые поколения, и те, кто были современниками революции. Спектакль научит многому и заставит над многими задуматься. А главное, побудит чувство великого уважения и гордости за людей, чья жизнь была отдача народу, делу создания новой жизни.

Н. ПУТИНЦЕВ.

Сцена из «Беспокойной старости». На сцене: Кольцов — Ю. Кольцов, Андреевская — О. Андреевская.

бесчисленными зелеными растениями, множеством подушек на диване, старинные бр на стенах — весь этот обжитый уют создавался десятилетиями, от жете доет покоим, годами труда. Режиссерский замысел Н. Герцакова, оформление художника Л. Силкина не только помогают созданию настроения, выявлению психологических состояний героев.

Спектакль начинается в интимных камерных тонах, сдержанных мягким морем. Мария Львовна заболела — в который раз! — переносит подушки, поднимается над студентом Мишей, даже подталкивает его щеткой, часто беспокойно поглядывает на часы. Так же с шуткой, недоумением, пожимает Полежаев и сразу же начинает рассказывать о своем путешествии в дальние страны.

В роли Полежаева поэт дилетантаго перераста на сцене Художественного театра выступает артист Ю. Кольцов, зрелый и умный мастер, наделенный большим обаянием и чувством юмора. Он правдив и в каждом своем слове, в каждом жесте. Его немного удлинненное седой бородой лицо, живые выразительные глаза, чуть старомодное пальто, быстрые движения рук, когда он снимает перчатки, все кажется хорошо знакомым, где-то виденным в жизни. Полежаев не скрывается на шутки, сам готов повеселиться над своей рассеянностью, застенчивостью. И здесь мы, выходя из привычной клише, видим: мысль ученого работает непрерывно. Он одержим новыми планами, желаниями немедленно приступить к работе. Интересно о провале проекта его не особенно волновало. Гораздо в большей степени волновало то, что, когда-то известное

связь с народом, поднявшись на борьбу. Эта близость к народу — в речи Полежаева и уходящим на фронт бойцам. «Пока перо не вывалилось из пальцев, пока глаза различают буквы, я буду по-прежнему защищать революцию от врагов», — говорит Полежаев.

И здесь наш упрек артисту. Ю. Кольцов с большим подъемом, увлечением начинает сцену, требует, чтобы открыли окно, хотя не зная зима. Но самый монолог на тех двух спектаклях, что мне пришлось видеть, прозвучал недостаточно страстно и сильно. Старческие нотонации в голосе большого Полежаева и чем-то завышенным мужественностью, героизм его слов. А самым значительным, весомым эти слова: в них итог всей замечательной жизни Полежаева и вместе с тем целого поколения русской интеллигенции, раставно принявшего революцию.

Вспомним речь К. С. Станиславского, обращенную к ученикам «Бронепоезда»: «—Ленин! Вы восходите свободно, к аисторгом и восхищением. Вы являетесь не только аисторгом, но и аисторгом за аисторгом».

Когда Полежаев слышит по телефону голос Ленина, вдруг проникший в тишину его кабинета, это — кульминация пьесы и спектакля. Артист прочувствованно, с единением провозгласил весь разгоревшийся. Но нет трубки пива, аисторгом отбой телефона. Сразу же Полежаев с импором обращается к жене: «Он тебе кланяется». Тут у Ю. Кольцова хотелось бы видеть более точную оценку происходящих событий, большую строгость оценочского

— Мерзавцы! Я ненавижу Ленина с первого его дня... — почти кричит Полежаев. Здесь Ю. Кольцов раскрывает в его характере интимность, черты патриота, борца. Как хищник, он готов броситься в схватку с врагами.

Как женщина! Да, и Полежаев — Бочарова много интимной душевной энергии, готовности к борьбе. Когда трусливый измывавшийся доверит Воробьев отыскивается читать лекцию матрасам, Полежаев вливает его одну недогадывающую беспощадным словом: «Стыжте!» и сам спешит на карьеру. В последнем Полежаева и Воробьева сталкиваются разные отношения и жизни, к революции.

Глубокий драматизм и возмущение наполнена финальная сцена третьего акта. Полежаев и его жена остаются одни в темной, холодной комнате. Белеет любовью открытый стол для гостей, которые не пришли, раздраженные сценой статей Полежаева в защиту революции. Дрожит рука в руках Марии Львовны, незаметно она старается вытереть незаметно выступившие слезы. Долго и молча ходят по комнате Полежаев. Как-то особенно заочно, заботливо звучат его притрагивающие слова: «Тебе холодно...», «Ну, покройся же меня платком». Своим дыханием он старается согреть руки жены. Сидя за